

ВЛАДИМИР ЦУКАНОВ

В СЕРДЦЕ И ДУШЕ

Поэма. Баллада. Стихи. Басни

2-е изд., дополн. и переработанное

**Донецк
2013**

ББК 63.3 (4УКР)
Ц59

Цуканов В.П.

Ц59 В сердце и душе: Поэма. Баллада. Стихи. Басни. 2-е изд., дополн. и перераб. — Донецк, 2013. — 58 с.

Владимир Цуканов — родился и живет в Донецке, горный инженер-строитель, участник и руководитель строительства свыше тридцати шахт, рудников, метро и других объектов горнотехнического назначения. Окончив Московский горный институт, долгое время работал в промышленных районах Сибири, Крайнего севера, Африки, Донбасса, Центральной и Западной Украины, Имеет большой профессиональный опыт, сложный подземный стаж, научные труды и продуктивные рационализаторские предложения. Полный кавалер знака «Шахтерская Слава».

Его перу принадлежат очерки, статьи, репортажи, фельетоны, рецензии, которые печатались в газетах «Заполярная правда», «Мирнинский рабочий», «Вечерний Донецк», «Донбасс», «Коммунист Донбасса», «Панорама», «Украинская техническая газета», «Донецкие новости» и др.

Член национального Союза журналистов Украины, дважды лауреат литературных конкурсов, в солидном возрасте, заслуженная оценка для его необученных писательских способностей. Но не только злободневный и содержательный газетный материал присущ свободному художнику. В его литературной деятельности, в полной мере появляются увлекательные сюжеты, достойные внимания читателей, которые в сочетании с честным и твердым его характером, правдиво и смело вступают в единоборство с пороками современности; и потому что они соблазнительны для сильных мира сего; и потому что они, рано или поздно, неизбежно обернутся в социальное зло. Все это, так чутко и внимательно, изобличает автор в удачно открывшемся для него жанре — современной басне. Именно по этому, творческие мысли автора, приняты для широкого круга читателей в библиотеки области и интернет [http://www. Library. Donetsk.ua](http://www.Library.Donetsk.ua)

Эти запоздалые стихи автор посвящает всем единомышленникам землякам, сотрудникам, друзьям, родным и близким.

Поэма

ПОЭМА О МАТЕРИ

*Моей матери,
Коссе Анне Семеновне,
(в девичестве)
к ее девяностопятилетию
п о с в я щ а е т с я*

Я не поэт, и все мои к тебе
 прекраснодушные восторги,
Которые еще теплятся в памяти,
 но стали испускать тревоги,
Стараюсь отыскать не в емких
 лексиконах словарей —
Там нет для нас приемлемых речей, —
 а в сердце и душе своей,
Пережитых статистами
 отведенные сроки,
Они еще поют — хотя имеют
 и недуги, и пороки...
Скажи, в какой печатный труд
 позволят нам с тобой
Свои вставлять слова —
 пустое с истиной перемежая —
Наговоренные за долгие года,
 в слезах и радостях перебивая?
А я рискну, свой долг
 сыновний исполняя,

Хотя и затяжной, — седьмой десяток
жизни завершая, —
Зато стихом, ну а потом пусть спорят
критики со мной.

За женщиной труда немало
славы значится,
И знают люди, что она сильнее
чем нам кажется.
Вот потому и мать свою —
как ждет она того! —
Хочу воспеть не меньше я, и,
благо есть за что.
Тем более что вижу, как, без
видимых причин,
Никто не может сделать то, и я
возьму почин.

* * *

Ее родили в Юзовке,
в шестнадцатом и первой,
А семьи были все тогда
предельно многодетными.
Хотя с рождения была умелой
да бедовой,
Но знаниями наделили лишь
всего четырехлетними.
Как та история страны, вся жизнь
прошла с потугами,
И «диссертацию» свою пришлось
писать разве что с курами.
Врожденные твои способности
судьба вела в посредственность,
Чтобы воздать все их сполна,
когда придет наследственность.

Но то — потом... А до того хозяйственных
кулачили,
А беспризорных их детей
в преступниках дурачили.
Тебе ж пришлось шесть душ скрывать,
как мать, от злой погоды,
Как подобает лишь зверью,
кормиться от природы.
Да как же так? Как жить нуждой?
ломали люди страсти,
И, если власть дурила их,
они дурили власти.
В четырнадцать нашла завод, прокатный цех —
свое девичье ненастье.
Так обеспеченность пошла, да только
вновь придет несчастье.
Как говорится у людей, все смотрит
точка в точку,
Везде пословицы слова «Беда не ходит
в одиночку».
В цеху, коса-краса твоя была
средоточением внимания,
А жесты рук и гордый взгляд —
образцами подражания.
Ты мазала подшипники, а «вмазалась»
в Петра,
И, как положено в семье, сына родила.
Из «балаганов» — так тогда звали то жилье —
В «Дом стахановцев» вселились, началось
житье.
Ты уже учиться стала в школе-ателье,
По-военному одела меня в галифе.
По бульварам мы гуляли, в скверах, шли в кино,
Все хотели — морсы пили, ели эскимо.
И как будто бы с издевкой радость всем дана,
Чтоб ее испортить можно. Началась война...

Мало уже знает кто, что было тогда,
Как всех угнетала фашистская орда.
Голод, холод, ужас, смерть —
 чередой на глазах, без конца...
Разве от мук, что спасала
 вошедшая в обиход — виселица.
Что ж тебя избавило и от такого лихолетья?
 А мама вздыхает...
Думаю, целенаправленный труд —
 никогда не видел, что она отдыхает.

Слышу, вновь мама пошла
 по деревням пешком,
Значит, придет за плечами с мешком.
Было, за столом я всю родню поднял,
Когда свою галушку в миске,
 мясом вслух назвал.
Тогда меня в деревню мать тоже отвела,
Скрывалась от нацистов — еврейскую
 семью спасла.

Помню, в груженной машине все скаты
 спустили с братвой со двора,
А пострадал от того только я, немец,
 увидев такой небывалый изъян,
По этажам за мной гнался, в гневе крича:
 «Пар-ти-зан!!!»
Этот бы просто меня удавил, когда б
 не выскочившие из всех квартир.
Ты ж, поседев вдруг, прослышав молву
 за чадо, начинающее дерзать,
Впредь, уходя с малолетними тетками,
 стала на ключ запирасть.

Знаю, что оккупанты, когда отступали,
Подло ночами жилые дома поджигали.
Добрые люди меня на веревке с балкона
 спускают,

А перья из рваных подушек вокруг
 необычно летают.
Выплакав слезы и осипши от крика,
 в ошеломленной толпе колотясь,
В одном ботинке, искал свою маму,
 и незаменимая мама нашлась.

От жаркого неба нас люди спасали,
 все, что осталось, на тачку забрали,
В Нижней Семеновке, в саманной хате,
 угол для нас прибрали.
День или два все у речки гуляли —
 нам на траве расстилали рядом —
Ну а потом наши части вступали,
 как этого ждали давно.
Из минометов и нас обстреляли —
 на войне по-другому нельзя.
Помню, бегу. А потом — тишина:
 Это меня привалила земля.

Мама всегда управлялась одна,
 все она делала очень умело,
И если сложным становился,
 живя в людях, быт,
Мама другое искать жилище спешит.
Так нас таскала судьба как попало,
А в сорок пятом и папы не стало.
Вот и, казалось бы, все улетело,
 ты за большие дела бралась смело.

* * *

В бывшей церкви армянской —
 земле чтимо святой —
Нашла строения остатки на
 бывшей линии Девятой.

На бомбовой развалине, где был
 людской приход,
Соорудила домик длинный, ну
 как подземный переход.
Чтоб его зимою хоть как-то натопить,
Трех печек не хватало —
 в три трубы дымить.
Там не было полов, в войну
 сожгли сполна,
А крышу всю сорвала еще
 взрывная волна.
Так что все положенные
 нашей площади осадки,
Стекали через неоштукатуренные
 сплошь дранки на пол в кадки.
Мы золу из печек, чтоб жар не терять,
На пол расстилали, чтоб сырость убрать.
Тогда же люди Семочкина устроили тебя
Шить на дому спецодежду для
 «Шахтостроймонтажа».
И если подолгу товары носила,
простаивала в счередях, заходя в магазины,
Закрученный на замок в квартире,
крутил я колеса у швейной машины.
Ты вроде как била меня сгоряча,
 а у самой блестели слезы —
Одинокой матерью быть — это вовсе
 не девичьи грезы.

А когда учился в школе, было, стал скучать,
Мой дружок — сосед по парте — стал
 уроки пропускать.
Он в школу не ходил. Его штаны не ноский
 имели износ,
И я одни штаны из двух сопартнику отнес.
Мы с тобой проблему эту разрешали
 нелегким путем,

Но ты с детства приучила; если быть другом,
так, значит, во всем.

Со швейною иглой в руке, пока не подросли,
сестер своих кормила,
И даже уполномоченных-инвалидов из
горфинотдела.
Когда фронтовика Николая взяла,
удвоив семью, дочь родила.
Стали дальше проявляться способности твои —
пианино появилось — опять на свои.
Как тебя судьба ни крутила — талант
самородка вновь проявила.

Среди простых людей, страдальцев,
нищих и убогих,
Прошла умело трудный путь и жизнь,
достойную творца.
Не раз ты сотворила кров, добро,
благополучие и содержала многих,
Создала новую семью и, как гордыня,
в сорок пять, взяла младенца,
Кровь родни, погибшего шахтера, брата-сына.
В который раз предел добра, и в третий раз
ты мамой стала названа!

Еще была ты, важно вспомнить, в среде
преподавателей
Курсов кройки и шитья, по моде мечтателей,
Собирала без дела девиц и превращала
их в швей-мастериц,
Разошлись по мастерским несколько сотен
твоих выпускниц.
Это ль не триумф трудового признания
Для одного лишь лица, без систематического
образования.

* * *

За ограничения в знаниях твоих,
 бог дал взамен студентов валом,
Добро, что учились все с очередным интервалом.
Москву снабжала ты, Новосибирску помогала,
А дома с младшим хлопотала и счастья
 урожай снимала.
В итоге: горный инженер, музыковед, юрист,
 магистр наук, языковед,
Трех внуков демократы соблазняют богатеть —
 немало ведь?
В наследственность твою вошли все:
 дети, внуки,
Свои способности отнявши от тебя.
А ты командуешь еще всеми,
 как некий дирижер науки,
Как будто року мстишь за прошлые грехи —
 да и не зря;
Тебе в актив дети вписали четыре вуза, и еще, —
Две внучки, обе защитили, две диссертации —
 за то.

Теперь сидишь одна ты в хате старой,
Давно устала, видит Бог, от жизни суетной,
Но долголетие свидетель — ты
 правильно живешь, и мы горды тобой.
С такой натурой женщины — краса и доблесть
 общества,
Так пусть же множится их круг и предков
 отражает качества.
Люди не дойдут до жизни пошлой, конечно же,
 интересуясь прошлой!

* * *

Года бегут стремглав, любое время в мире
 скоротечно,
Но трудолюбие людей, живущих на свои,
 в природе вечно.
И эту мысль в сознании твоём,
 которая иглу портняжную острила,
Не растеряла в трудной жизни зря и
 с радостью большой потомкам подарила.
Напористость твоя народная — в любые
 ремесла трудиться —
Пришлась и нам, и будет всем в грядущих
 временах годиться!

Баллада

БАЛЛАДА О ШАТАЛОВЕ

*Виктору Федоровичу Шаталову,
моему школьному учителю,
с благодарностью
п о с в я щ а е т с я*

Он коренной земляк, донецкий,
и чтоб не освещать семьи секретов,
Родился в праздник Первомайский —
в десятилетний юбилей Страны Советов.
От демонстраций по улицам города
и звуков медных труб оркестров
Увидел счастье в гуще народа,
увлекся музыкой и песнями артистов.
Уже учась, в больших дерзаниях,
он уяснил себе вконец,
Что счастье еще в знаниях —
они— его дальнейших усилий венец.
Пока же только идеалы корчил,
а впереди — вся жизнь-борьба,
Вначале школу не окончил,
как говорится, — не судьба.

Учеба было стала за девятым классом,
военкомата повестки листок,
На фронт попал матросом.
на Дальний Восток.
Всю радость победы в войне
сменил на радужный сюжет,
Его служба в морфлоте
длилась долгих семь лет.
Мы здесь не будем раскрывать
истории врагов нашествия моменты, —
Они сейчас сродни везде бывать,
бесчинствуют свои же элементы.
В нужде гнетущей и большой беде
наша страна не раз перебивала,
Но, между прочим, в той среде,
людей порядочных рожала.
Он ухитрился: школу завершить,
на службе срочной находясь,
В пединститут там же попасть,
под Красным знаменем снимаясь.
В строю и хоре запевая,
вокальное искусство пополнял,
Приятное с полезным совмещая,
свою заветную мечту осуществляя.
Шестая школа хорошо объединила
тебя с выпускниками классов десятых,
Еще макающих перья в чернила,
в далеких учебных годах пятидесятых.
Вот так судьба свела тогдашнюю порой, —
вроде пустила в дом на постой,
С тобой, учитель школьный мой:
отзывчивый, живой, и строгий, и простой.
Она настойчиво заставила корпеть
в условленные жизнью сроки,
Меня — еще за партою сидеть,
Тебя — уже вести уроки.

Радушными встречали мы улыбками
учебный год в подстреленных штанах
И нужными под мышкой книжками,
застенчиво пряча руки в карманах.
Хотя мы незаметно прожили с тех пор
года действительно немалые,
Суждений многих обсудили спор
уже как знатоки бывалые,
Школьные годы, без сомненья, откровенно,
сущность познаний всем вселили,
Вспоминаются с благоговением мгновенно,
на веки вечные былую дружбу сохранили.
Как человек в годах, давно седой,
бессмысленно не буду привирать,
По-дружески, в укор статистике скупой,
скажу: «Еще не время умирать!»
Хотелось выяснить хотя б экспромтом
давно возникшие к тебе вопросы,
Но не о бездне мира или том,
чем занимаются матросы, —
Аквамариновую синь морей не променял
на землю, где остался предков прах,
Вернулся с флота ты и написал
книгу про «Город в облаках».
Спросить же как народного учителя,
профессора, новатора-творца,
Как подобрал рецепт целителя,
до самого несведущего сорванца!?
Заставил жадно грызть учащихся
гранит общественной науки,
И успевал за год — логическим путем
иль парты распилив, — освоить два,
У всех испытывая, ассоциаций ради,
самостоятельные творческие муки.
Инертных расшевеливал: рисунками,
забавами да прибаутками едва.
Пощады и покоя не давал: ни оппонентам,
ни сам себе, ни в коем разе нам —

Хроническим лентяям, унылым молчунам,
неисправимо трудным пацанам.
Запомнились педагогических советов стычки
заставить нас «на рельсы встать»,
Меня — забыть про вредные привычки,—
тебя, как диссидента, эрудицией блистать.
Переродил ватаги всякой ребятни,
и как превосходящий их гордец,
Затратив уйму сил, добрался-таки ты,
до жаждущих знаний сердец.
Всему учительству в лицо сказал,
что двоечников больше нет,
Открыл для сведения всех и показал —
немыслимый до этого секрет.
А дальше — больше, внес понятий ясности,
что головки невинных созданий,
Содержат безмерные кладовки памяти —
зрелостью неразвитых сознаний.
Церковно-приходская педагогика-кума,
отнюдь, наивно сделалась простой,
И, может быть, что дефицит ума
опять привел людей в застой.
Законов восприятия раздвинул горизонт,
который взору перспективу закрывал,
От инквизиции, ученьям пыток создавая фронт —
держа веками памяти провал.
Рутиной созданная выучка стремится
простому люду примитивным слыть,
А им давно пора бы научиться
во всем осведомленным быть.
По твоему суждению: от верного учения,
от самого что есть порога,
Всегда оттуда исходить должна
к вершине разума цели дорога.
Похоже, новые методики учтиво
внедряют привычку умно мыслить.
Позволят людям жить красиво,
над этим стоит поразмыслить!?

Твои эксперименты стимулировать учителей
и озарения рождения мыслей,
Дали эпохе целую плеяду деятелей
хозяйствам разных отраслей.
Полезные твои труды и чествовали всласть,
и создавали творчеству тому преграды,
Счел нужным даже президент СССР,
от дел уйдя, вручать в Кремле награды.
Деятельным новаторам, таким как ты спецам,
пока что, скажем места маловато, —
Но просветительным из Академии наук мужам
понятно стало — все чревато.
России девять насчитав педагогических наград,
до юбилейного обеда Украина сообразила,
Не стала учинять мучительных преград,
Ушинского медаль из золота вручила.
Чтоб совершенства развивать прогрессы,
больше на стороне не занимать,
Свои стремленья улучшать процессы
к новинкам смело нужно принимать.
За твой достигнутый величия успех
в заметно ощутимый юбилей
Скажу, умом обняв весь замысел наспех, —
не оставляй своих идей!
Без красного словца — дела привычные,
примерно этак лет до ста, —
По городам читая лекции публичные,
передавай из уст в уста.
Аудитории зажги, чтоб впредь не охладели
развития образования дела, —
Чтоб слушателей массы не редели, —
им доводить все до предела!
Пока ж твои труды по интенсификации
учебно-воспитательного процесса —
Понятные для здравых публикации —
доводят нервных до эксцесса.

* * *

Я не поэт, рассудкам хочется предаться,
нужна ль отсталости культуры тьма,
И, наконец по жизни разобраться,
зачем неразберихи полной кутерьма?
Скажи, ведь хочется поступка вольного,
одним глазком на будущее посмотреть,
И лишь тогда, от счастья полного,
беспечно и бессмертно умереть?
Риторика всецело будет восхвалять,
твой образ легендарный — как кумира,
Правильно мыслящего человека имя повторять
грядущие издания энциклопедий мира.
Пробьет твоих идей взошедшая заря,
невежества заострившие потемки,
Один ты мельтешился не за зря,
все образуют благодарные потомки.

Стихи

ЗВАНЫЙ ВЕЧЕР,
или Предновогодний раут коллектива
четвертого строительного управления
ГОАО «Трест Донецкшахтопроходка»

Когда открыли люди горных дел истоки,
Стали из недр земли богатства добывать,
Еще не знали, что наступят сроки
Интеллигентов на работу эту брать.

Руки, лопата да кайло — не те лимиты,
Труд непосильным сразу для них стал,
Хотя пришлось употреблять и динамиты,
Недостаток силы делу хода не давал.

Словам пословиц доверять не стали,
Про сошку да про ложки знали — ерунда, —
Любые отрасли все больше обрастали
Штатами работников умственного труда.

Работам придавали планы и проекты,
Решали сложные задачи инженерных дел,
Науки подвели, как обустроить объекты,
Так обуздали сообща стихии той предел.

Явления природы обратили в ведомства,
Они, перчатки белые чтоб не марать,
Взяли да учредили отраслевые министерства,
Те главки, тресты стали создавать.

Кому ж работать? Как судьбы находка,
ШПСУ-4 создалось, — содружество, пчелиный рой,
Орденоносного треста «Донецкшахтопроходка»,
Холдинговой компании «Донбассшахтострой».

Под старость стаж сотрудников их длился,
Трудился каждый в соответствии с зарплатой.
И вот профсоюз с руководством отличился,
Устроили вечер, конечно же, с доплатой.

На комфортабельном автобусе к кафе
Доставили здоровый коллектив трудящихся.
Отделами расселись, как в свои купе,
К столам из яств, за рубежом плодящихся.

Пока звучали громкие торжественные речи,
Званые гости скромно и ели, и пили.
Насытившись, расправили уставшие плечи,
А звуки музыки дружно всех подхватили.

Что было потом, видно так, без труда,
На памятных фотографиях большого улова
Эти изображения напомнят обо всех всегда,
Расскажут о фактах без лишнего слова.

Нехитрый обихода случай этот редкий,
Характер каждого весельем забавлять,
Запал забвения, достигший цели меткий,
В рабочем порядке пришлось осуществлять.

Так необычная среда вещей понятных
Заставила организованно соблазну подчиниться
С однообразия работы и с забот ненастных,
И отдохнуть, и от души повеселиться.

Ведь радости осталось — кот наплакал,
Все денежки из рук текут в чужой карман,
Раздашь растущие долги и сам заплакал,
Останется от прибавления оклада лишь обман.

Кого винить? Грядет эпоха демократии:
Разнопартийных депутатов, за их махинации,
Жажущих власти из алчной братии,
Или миллиардеров характерной инфляции???

Панам до шахт от роду не было заботы,
Они и пропадом горят — нет там работы.
Шахтеров не ценят, не платят за труд,
Лишают былой славы, калечат и бьют...

АВТОРСКАЯ ИСПОВЕДЬ (Обращение к Богу)

Дочери Ирине

Рассуждая о жизни с самим собою, —
Не вижу в ней пользы от воротил?
Хочу связать ее, Господь, с тобою, —
Ты тоже — больше ведал чем творил!?

Планета Земля, как небесное тело, —
Как появилась? — не в этом спрос, —
Наплодила людей, но живут неумело, —
Эта, Бог, тема! — насущный вопрос.

Невесть какая сокрытая сила
Заставила шар — тебя не спросила —
С неведомых времен, доселе, впредь,
В кромешной, адской тьме вертеть.

Обретши место ничейной звездой,
Люди назвали не зря — Землею —
«Брюнетка», отняла от Космоса цвет
Черных дней, дел, бед ... секрет.

Природа все же окраску меняет,
Покров земли в году обновляет,
Где щедро в зелень наряжает,
Где выжигает, где снегом укрывает.

В сутки же темь на свет сменяет,
Днем — красным солнцем озаряет,
А ночью — земле очень нужна, —
Спутница жизни — светило Луна.

Стал человек над миром властен,
Он есть неприкаян и этим опасен;
Мало ему мать-природу поганить
Так надо еще и друг друга тиранить?

Тысячи лет под взором творца,
Миллиарды людей играют в прятки,
С теми, кто трудится в поте лица,
И кто от труда бежит без оглядки

Сами-то люди, в нужде долгой маясь,
Казалось, нашли желанный строй!
Но проморгали, беспечные малость,
Плохо молились, видать, той порой?

Проснулись в Союзе алчные братии,
Не спали как все? — вот в чем резон!
Сотворили себе обывателей партии,
Тоже под всенародный стаканов звон!

Из этой элиты выходят правители,
Такие не видят своей же обители.
Легко? Под свою лишь дудку пляшут!
Трудно? На проблемы рукой машут!

Они, — ведя не социальный подход, —
Лелея выгодный строй реставрации,
Сводят на нет разобщенный народ,
Гм, обогащаясь на спекуляции.

Упрятавшись за стены и заборы,
Роскошный образ жизни там ведут,
В одной системе, — узаконенные воры,
Режим и власть, — которую блюдут.

Стал пуст, нелеп, уродлив мир,
Соблазнов? — хватать и денег касса!
Эффект показухи затеял горе-кумир,
А в ней тоска и кислая гримаса.

Смысл исказив окружающей среды,
Рубят сук под собой, отщепенцы,
Живут ради шмоток, забав, еды...
Пространств постсоветских туземцы.

Цены взлетают в торговых рядах,
День ото дня темнеет в глазах.
Кто делает деньги или торгует,
От счастья такого в угаре блефует.

Пуляют, грохоча в ночи, братки,
Салютов разноцветные фейерверки!
Днями же палят то свет, то фары,
Вовсю беспокоя жилые кварталы.

Их сверхбогатства? — пустой номер!
Проку и впрямь всего, как-то,
Промаялся с им всю жизнь и помер,
Его еще с собой не взял никто.

Его наследник? — тоже живой труп!
Мало ль примеров тому в обиходе?
Еще несчастен, слеп, ленив и глуп,
Конченный тип в недалекой породе.

Богатства ж земли, достояния всех,
Водные глади, ландшафтов отроги...
Чтоб всякий жлоб не делал грех,
Вовек запрети обивать там пороги.

В нашем малообеспеченном народе
Хлебом не корми, чего-то взять, —
Его хобби — в некотором роде, —
Чтобы было что с лихвой отдать.

Теперь же открыто — как в кино,
Ищут излишества — судьбы-злодейку,
Работают ломбарды, банки, казино...
Любыми способами отобрать копейку.

Порхают по жизни, не чуя ногами, —
Земли, — которую природа создала,
Пошло крестятся перед образами,
Еще чтоб нищая старуха принесла.

В среде сверхбогатства и нужды,
Бытует много порочных явлений —
Из мусора извлекают куски еды, —
Чтоб голод унять без стеснений.

Не понимают умудренные потомки,
Откуда болезней и вирусов след?
Что все святое уходит в потемки,
Если не видеть убожества вред?

Подобострастные, к чему ведут,
Если при жизни себя не найдут?
Культуру ж затмила политика зла, —
От дикости нравов — устали глаза!

У нечисти дразги, ссоры, месть,
Террор, война, любые драки...
Давнишний способ насилия есть —
Страх нагонять — как цепные собаки.

Немалый хаос создают иномарки,
Забили все, от рынка... до свалки,
Даровой поток нельзя остановить,
Тот, что прогресс устал творить?

Рудит вся семья: Он, дети с псами,
Охрана, Она, прислуга с харчами...
Ходячим устроен болезненный страх,
Дороги и тротуары — все в ездоках!

Люди, которые транспорты ждут,
В стоящих вагонах, — сопли жуют,
Выбранные органы самоуправления
В упор не видят такие явления!?

Импорт перепроизводства и сбыт
Выгодный бизнес причастным сулит.
Субъекту нет смысла чинить аудит,
То, что под ним обо всем говорит?

Не помнит божий свет такое время,
Чтоб так досаждало излишества бремя!
От частных удобств, — сплошная беда, —
Авариям, травмам, смертям... череда?

Жертвам таким, воистину честно,
Даже на кладбищах бывает тесно.
Видать, что свой приближая черед,
Места раскупают впрок, наперед?

Есть смысл терпеть таких урод,
От их все труднее из года в год,
Не лучше ль враз оборотиться,
Впору в пещерах хорониться???

Прикинуть там, вперед аль вспять
Свое разумное развитие начать?
Боже, сохрани, избавь сей курьез,
Вишь, заблудилась паства всерьез?

Жизнь прожить — не поле перейти,
Риск и препоны на трудном пути,
Но многое вытворяется оттого, —
Причина видна — сами ищем того!

Люди, к стыду своему, не знают,
Как поправить гнетущий бедлам?
Одни эмоции судьбу их решают —
Смех сквозь слезы напополам!

Хотят общаться теперь с Тобою,
Нет человека, общества, народа.
Всех разобщила жаба липкой рукою, —
Их образы — особ лукавая порода.

Если религии культ представляет, —
Бога, — верховным над всем существом,
Отчет о содеянном пусть разделяет,
Все духовенство вместе с творцом!?

Явись, Бог, и нам глаза открой,
Нужен ли такой демократии строй?
Ради того влезем в рясы и мантии,
К чертям разгоним всякие партии!

Кто знает, может быть, занят опять,
Пришли с ответом свою Божью мать?
Все бдят и хотят Вам свято внимать,
Зачем церкви то строить, то ломать?

Правители не могут нам помогать,
Срок дюже мал, свои нужды решать.
Еще б (тьфу, чуть не выдал по-фене)
Базис надстроек предал анафеме.

Коррупцированную особь, — Сам смотри, —
Зажги им вновь инквизиций костры.
Затем упраздни государства и власть,
Создай-таки рай, чтобы зажили всласть!?

От нас стало выгодно все закрывать,
Нам-то дай хоть на хлеб зашибать.
Крест без достатка уж трудно нести,
Свора миллиардеров вот хочет расти.

Если поможешь, — общественность сразу —
Сбросит вон с плеч одолевшую заразу?
Не верим в то, что весь мир транзитом
Господь создал и отдал паразитам?

От самых начал непроглядная тьма,
Черная напасть, обиход что тюрьма,
Не жизнь, а страх, печаль, страдания...
Нервов износ до потери сознания!?

Спасут человечество не газопроводы,
Даже не будущее ракетостроения, —
Скорые разве убожества проводы, —
Да должны к труженикам отношения!!!

Не знаю, как этот воспримут слог, —
Но теме о том, как исправить такое,
Еще не время писать эпилог, —
Ее продолжат, ее не оставят в покое???

ЗАРИСОВКИ ИРИНЕ

* * *

Она —
и статна,
и красива,
все в ней
со вкусом, —
даже мониста, —
и зла, как змея
перед укусом —
современная
дочь коммуниста.

* * *

Не по-женски
чрезмерно строптивая,
и очень правдива,
как Павлик Морозов,
и в девичье сердце, —
кто бы подумал, —
с детства запали
гудки
паровозов.

* * *

Ее
осыпать похвалой
неуместно,
может обляять
собакой хорошей,

СЛИЛОСЬ МНОГО
качеств в ней
совместно,
а главное — БЫТЬ
на папу похожей.

* * *

Жизнь
потекла, как вода
из колонки,
море пленит ее
как молоко,
не покидает
родимой сторонки, —
с нами живет,
но душой —
далеко...

* * *

Пока
клавиш регистр
нажимает,
газопроводов нитки
плетет
как паук,
и диссертацию
тем продолжает
ученый магистр
горных наук.

* * *

Точно
в жизни ты счастье
получишь,
видною
станешь, —
вся из себя, —
и камня на камне
не оставишь,
если кто
обидит
тебя.

* * *

Это
мои зарисовки,
фрагменты, —
сюжетов разных
малый буклет, —
такие моменты,
у нас
за плечами
собрали целых
сто лет...

Басни

СЛЕГКА О СЕБЕ И О ЖИЗНИ ВООБЩЕ

Не феномен и родом из людей обычных,
Живу легко, имею много дел приличных.
Казалось, по сути, нет столько явлений,
Чем дал опосля плод моих размышлений.

* * *

Отпрянув ото сна и выбравшись наружу,
Сменил тепло, покой на жуть и стужу.
Застал войну, страх, голод, холод,
Горел, все одолел, был лих и молод.
Как вспомню, так мороз идет по коже,
От мук и бед — их много было тоже...
Я в жизнь входил без блата — напрямую,
Все успевал постичь — напропалую.
Дрался за все: гадких видя мальчишек,
Дурью маясь, бывало, тратя силы излишек.
Там дорога манила, смысл жизни решая,
А гудок паровоза звал судьбу оглашая.
Садился на ходу, сигал во тьму откоса,
С вагонов поездов без страха и сноса.
Такой беде помог велосипед найти исход,
Учиться в школу ВВС отправился в поход,
За борт держась попутки, вслед за скатом,

Гнал в гору, — вниз же, — катил накатом.
Эх! Избегая трель милицейского свиста, —
За грехи, — поймал опасного рецидивиста.
Писали «Правда» и «Комсомолец Донбасса»,
Откликнулась на то и читателей масса.
Простите, что не ответил на письма тогда,
И смолчал, — дерзать продолжал, как всегда!
Рвал винтом самолета облака грозовые,
Пневмомоломом отбойным недра рушил земные.
В кессоне, мерзлоте, посменно был у дел,
Работал с риском много лет, но жив и цел.
Вся география отзывчивых моих субъектов,
Совпала с местами обустройства объектов:
Сибирь, Саха, Север — драгоценная чужбина,
Угольный Донбасс, вся благодатная Украина!
Еще чуть не забыл момент, где нам велели,
Вопросы Африки и Ближнего Востока одолели.
Мне стало мало постигших по жизни событий, —
Теперь вот пишу, — жажду новых открытий.
А если «псих», — здесь нет на то моей вины, —
Лицо демократии, есть пострашнее войны!?

* * *

Рассказ о прошлой жизни — нужный повод,
Найти огульной новизне мораль и довод.
Толпы без дел слоняются из края в край,
Отдельным нужен небоскреб, доход и рай.
У них без банка пусто место не бывает,
На все в разгул ума и совести хватает...
Тут многоточие, наверно, в самый раз,
О начатом ловчей писать другой рассказ.

МРАК

Откуда столько, сказать тошно, тьма:
Обмана, тайн, неразберихи кутерьма...
Что вносит в быт общественного здания,
Невольной злобы да невежества влияния,
Такие доводы; а то, если устроят суд,
Найти ответчику, нетрудно пересуд!?

* * *

Планета Земля, всем знакомое дело,
(Начну с нуля, есть в этом спрос),
Наплодила людей, но живут неумело,
Эта проблема, — насущный вопрос!
Основа всего, — пока скрытая сила, —
Заставила шар, никого не спросила,
С неведомых времен, доселе, впредь,
В кромешной, адской тьме вертеть.
Обретши место, столь мрачной звездой,
Людей посягнуло назвать — Землею!
«Брюнетка» отняла от Космоса цвет
Черных дней, дел, бед... секрет.

Вот стал человек над миром властен,
Он есть неприкаян и этим опасен...
Издревле пакости: теньевые структуры,
Темные люди, таинств шуры-муры...
Для благополучия, как всем известно, —
Солнце не светит, — надеяться тщетно.
Покорно все ждали, пока в одночасье
В денежной массе увидят то счастье.
Куш с неба свалился, от бога презент:
Не думано, не гадано, явился президент!
За ним кредит, — на то валютный фонд, —

Свободный рынок и барышников бомонд!
При небывалом обнищании всего народа
Встает сверхбогачей корыстная порода!
Вот цены и растут, ведь стыд и срам!
Пардон! Заморский нам сбывают хлам!
Раде ж рассудок затмила политика зла,
Эх! От дикости нравов устали глаза.
Мало то им все хитрить да лукавить,
Так надо ж еще все святое поганить!?
От самых начал: непроглядная тьма,
Черная напасть, обиход что тюрьма,
Не жизнь а страх, печаль, страдания,
Да нервов износ до потери сознания...
Показухой, халтурой, угаром достали,
Но жить-то от этого лучше не стали!?

* * *

Закончу тирадой, нужной словесности,
Суть-то прикрыта мраком беспечности.
Черных же дней, дел, бед не перечеть,
На то здесь места нет, прошу учесть!

ШАЛЬНЫЕ ВОЯЖИ

Прогресс, он не сразу давался в народе, —
По миру долго странствуя, из века в век,
Лучшую жизнь себе искал лишенный человек,
Всего ничего, но уже за плечами с мешком,
Без всяких надежд тащился наобум пешком.
Не ведал он судьбы иной — что есть, то хорошо, —
Вот на! Умелец-де, ему смастерил колесо!
Эк чудо! Ведь не надо теперь всего носить!
Его едва лишь стало, себе легко катить, —
Раз за разом новизна внедрялась в обиходе.

* * *

Начав крутить скрипящие колеса еле-еле,
Абориген в машине сам себя домчал доселе!
Да вот оказия! Братан, знай дело, не зевай,
Транспортом каждого остался-то трамвай!?
Как бы для гордого не было от сего досадно,
В нем сидя и стоя притерлись пассажиры ладно.
Было б хоть так? Но пошли перебои движения:
Заторы, поломки, порывы сети напряжения..
Всюду застрявшие путники всяко болтали:
Еще не дома, но точно дороги помехами стали;
Нет средств; льготных полно пенсионеров;
А все — то деньги на счетах уже миллиардеров?
Брр! Среди обманутых ворах стало негоже,
Не нужен им транспорт общественный тоже;
Машин, как ворон, что слетелись на город!
Уют! Затемненный салон! В жару нужный холод!
Комфортно уселись паны в даровых иномарках,
Халява! Погрязли в этаких щедрых подарках!
Рулит вся семья: Весь — с делами; дети — с псами;
Ан спереди охрана и сзади; прислуга — с харчами;
Модный фасон; с дедушкой-бабушкой малые чада;
Им ни знак, ни сезон, ни закон не преграда!?

Хотячему люду навязан болезненный страх, —
Пробки? Плохи дороги? — тротуары в ездоках,
Которые, снуя, себе нужные транспорты ждут?
В стоящих вагонах ненужные сопля жуют!
Мудреным властям и органам управления, —
Вот вздор! Чуждо видеть такие явления!?
От частных удобств — всем сплошная беда,
Эх! Авариям, травмам, смертям... череда?
Их всех, кто без ума сел чем-то править,
Взять с головы да на ноги поставить!?

* * *

Кто этот смрад людям под нос поставил?
Шальные вояжи меж их описывать заставил?
Немудрено, что это все с подачи самого:
То ли недалекого, то ли совсем того!?
Здесь важно узреть лишь морали деталь, —
Людям — условия; машинам — магистраль!

ЮДОЛЬ ПЕЧАЛИ

Наш признанный авторитет — Крутой, —
(За дерзкий нрав прозвали так дельца),
Былых лишенный прав, он не остыл душой
И не утратил врожденного пыла умельца,
Но стал то ли чуждого рынка барышник,
То ли часа лихого невольный сподвижник?
Еще на что пригож? Лестно обдумать враз!
Хотя бы в басне сей — на то рассказ...

* * *

Прослышаны (таких не смотрят напоказ) уже,
И хил, и слаб, каких толпа, но сноб и хват,
И уголовной публике он свой поди что брат,
И как напхали нам элиту этаких жильцов,
Не принято на то пока искать концов!?
Понятно повсему, что в смутной-де, среде,
Вольготно только те живут и вроде как везде!

Халтуре рэкета подставив пошире карман, —
Герой наш, — знавший криминальную науку,
Для крыши экс-бандитов приютил шалман, —
Отребье, — тех, кто отроду нечист на руку.
Резвились, пили, ели, — было не до скуки, —
Малина та, казалось им, не предвещала муки.
Как вдруг: Трах! Бах! Все рухнуло, пропало,
Будто того шального клана вовсе не бывало!
Жестоко всех убили и сожгли, в угаре спали,
Которые бежать, вместе с машиной закопали.

Так отчего, слышу вопрос, то дело стало?
И так бывало! Такие хорошо живут да мало!?

Вокруг, как гром, гремит: не то война,
Не то погром, не то чумы волна???
В нужде, в невежестве и во всяческой жути,
Сколь помнит мир, людей отвлекают от сути.
Сейчас все каналы ведут сериалов показ,
Сея убийства и смерти там вроде проказ.
Учат стрелять и заурядных мальчишек,
И девиц, отнюдь неблагоприятных привычек...
Пугают, что жертвами нынешней диктатуры,
Могут оказаться непредсказуемые натуры.
Еще террор гремит в набат как адов дар,
Ему вторит массивированный бомбовый удар,
Тот, кто не умер сам, так должен быть убит,
Такой для общества исход затеял геноцид?
Так, тленным средством гнилой демократии,
Силой хотят недовольные массы сдержать,
Вокруг насаждают преступников братии...
Тщетно такими умами-то жизнь продолжать?

* * *

Здесь нужно вписать и морали трактат:
Пеняйте на себя, пока не все пропало,
А то придет совсем печальный результат, —
Коль вместе уживетесь с кем попало!
Нам ни к чему преступников сноровка,
Вульгарная к тому ж на всех татуировка.

ВЫДРА

Кто в слово «Выдра» вник однажды,
Знать должен смысл его аж дважды:
То грациозный хищник, рода куньих,
И женщина, задатков весьма скудных.

* * *

Как нужный мастер, тонких дел,
Умело смастерил изящество такое,
Обычное творение веков; но одолел,
Казалось что и притяжение земное!
Уж так была проворна и игрива,
Чарующее взор, создание родное,
К тому ж, умна, ловка, красива,
Бегом не оставляла ничего в покое.
Вот так, любя-шутя, мы «Выдрой»,
Хотите знать, и, окрестили дочь,
Схожа была, такой же эка быстрой,
Все те же выходы точь-в-точь.
Жили пристойно, шло время былое,
Ее ж, все тянуло болото гнилое...
Генетика! Здесь нет чада вины,
Все предки имели причуды свои!
Впрочем, грехи насаждают нам вечно
И благоволят молиться сердечно!

Теперь, совсем немислимо познать,
Того несносного характера природу;
Трудно уже парням, отцу, коту,
Да и всему благочестивому народу;
От генов, что сполна отдали все,
В наследство этому на голову уроду!
Не в радость ей престижная работа
И вовсе не манит замужества забота!
Посудой, барахлом, завалена квартира,
Нельзя найти, ни кухни, ни сортира...

В руках автомобиль, ноутбук, интернет,
В услугах мать, отец, а счастья нет?!
Родителям, от новизны такой, не до уюта; —
Сидят на небе, горемычные, — без парашюта?
В характерах девиц, за тем давно слежу,
Лишь злость, что раздражает нервы,
Здесь, откровенно, по-отечески скажу:
«Такую плоть, им видно навязали стервы!?»
Не та семья — святое все, прибрали небеса;
Гм!.. гражданский брак — любви самообман;
И хуже, за рулем, обняв ремнями телеса;
Дамы в пробках торчат — смогу сея дурман!?

* * *

Пристало, выражать недоуменье в лицах,
Красавицам, в наращенных ресницах,
Да так, как Выдре, с гневом, без конца —
Вишь ты, терзать и душу отравлять отца.
Женщин должна обожествлять природа —
Чтоб сохранить моральный облик рода!

ЗАПОЗДАЛАЯ ГРИБАЛКА

*Моим грузьям,
Владимиру Анисимову
и Владимиру Пугачу*

Как жаль, что ограничен жизни век,
К тому ж, еще трудом загружен человек;
Теперь нет счастья и где суета народа;
Осталось то вкушать, чего дает природа...

* * *

В пору осенних, тихих, дней погожих,
Один завсегда, он заводилой был,
Старых друзей, для дел таких охочих,
В далекий лес, собрать грибов, уговорил.
Поднялись рано. Ждем, — да невезенье, —
При выезде, джип-иномарка поломалась,
Не скрою, чуть не лопнуло терпенье,
Но обошлось, в руках другая оказалась.
Благо машин полно, поди в любой семье, —
Одна не на ходу, — плюнь и возьми другую,
Разобрались и в путь, еще при тьме,
Поехали втроем, стремглав, напропалую!»
Эка болтать! Вот лес! Опушку приглядели,
Достали сумки, вкусно выпили, поели,
Почай не из простых, чтоб все так жили,
Грибов не много собрали, больше купили!
Зато в лесу, не только коньяк пили,
Озоном легкие свои, считай оздоровили!
(И в этой иномарке все сцепление горело,
А мы, запыхавшись, ее толкали то и дело)
Для ностальгии, прокатились по местам,
Что сами ж открывали с давнишних времен,
Уж собралось по веку их? и тут! и там!
Увидеть стоит, вспомнить есть резон!
Избыток чувств, оставлен там в задаток

И стаж, ведь каждому восьмой десяток!?
Нашли и нашу речку, желанный Оскол,
Рыбала там, не раз вбивали в землю кол,
Дом престарелых, край села еще ютится,
(Чем бог не шутит, может пригодиться).
Угрюмых стариков, у магазина подбодрили,
Внутри его, старух унылых рассмешили;
Что, дескать, мы намерены здесь жить
И нам по воле, вроде незачем тужить!?

* * *

Душе не запретишь, желания любого,
Уйти от напасти, найти тепла людского...
Всегда с опаской ожидаю тот момент,
Когда приму от демократов комплемент —
На кой тебе грибы, коль есть совет,
Ходил бы ты, старик, на красный свет?!
Эх! Вкушай свои плоды, мил-человек,
Твои проблемы, коротать свой век?!

ОПРОКИНУТАЯ ГРОМАДА

Как хорошо живем, то видят все, и домоседы города,
И всяка тварь, что подде них, слоняется от голода.
На общепите мусорников, не перечесть живых очередей,
Собак, бездомных кошек, птиц,.. отчаянных людей.
Еще, чуть ли не ветром занесло, грачей, ворон, сорок,..
Им не впервой, здесь получить свой лакомый кусок.

* * *

Что рано по утрам, когда еще положено всем спать,
Мне, как советскому пенсионеру, приспичило вставать, —
То не бессонница, — меня, еще как крепкого мужчину,
В рабочий день, судьба заставила, перегонять машину.
К тому ж, не будь вдобавок и заядлый до всего искусник
Ходил бы взад — вперед, как пеший, заурядный путник,
Ведь дело есть — да и глаза с умом наметаны смотреть;
Где что не так, что как лежит; — пытаюсь обозреть!..
Гляжу, как живность разная сбегается к «кормушкам»,
Перехватить чего, — а будет вдоволь, — так к пирушкам...
Сколько тех крох для всепогодного воробышка то надо,
Попробуй прокормить зубастое и дармовое стадо?
Увижу непосильный черствый хлеб, —

так надо раскрошить, —

К всему привык, не скрою, лишь по-хозяйски подходить...
Как — то, таких непрошенных гостей, уж много собралось,
А возле ящика — мешок; еды, с горой, там набралось; —
Не долго думая, беру тот дар, пригоршнями в охапку;
Несу, чуть поодаль, и, аккуратно рассыпаю на площадку,
В грустях глазастым попрошайкам, всю пайку задарма,
Те, жадно кинулись уничтожать знакомые для них корма.
Из яств те были ассорти: хлеб, булки, пряники,.. среди,
Элитной, то ли лежалой, то ли халтурной, снеди,
Вот пир устроил всем! Довольный, — сам не свой,
Для счастья много ль надо — пошел навеселе с собой.
Да вот апломб! Случилось вскоре мне такое диво видеть,

На злачном месте! кверху дном! — кого мог так обидеть?
Лежит «Громада»! — ящик тот, где был мешок с добычей!
Выходит так, что у людей, я жизненный прервал обычай,
Разбросан мусор и вокруг — умопомрачительный пассаж,
Нет ни души, будто стал мертвым городской пейзаж.
Жутко!. Машину, мне пришлось перегонять в объезд,
Все настроение пропало, и стыд, загнал в подъезд!?

* * *

Что это? Посильная голодных месть, в один присест,
Или от имени народа, лишь тренировочный протест!?
И мне, надо ж, нельзя смолчать, ну, просто, нету мочи,
Что скрытно делают от нас, покровы предрассветной ночи.
Хотя, и днем, проблем полно с отходами той пищи;
Но, между нами говоря, — тсс, еще покоятся в затишьи!?

ЛЕСОПОВАЛ

Уж если превращать наш город в сад,
Как в центре, где дела вроде пошли на лад,
Флора окрест одичала от сорной породы,
Вот бы и туда вложить такие же расходы!?
Когда-то надо и такие решать акты?
На головы уже летят увесистые факты!..

* * *

Намедни, а чтоб быть точней, вчера,
Не смог открыть калитку со двора.
Огромный сухостой, изгнив во прах,
Мог чуть ли ни на голову свалиться.
Сразу забыв, что атеист, в сердцах,
На этот раз решил перекреститься!
Проход на тротуар, загромоздил завал,
От дебрей, к нам пришел лесоповал..
В злосчастном месте, час иль два,
С соседом провели и разошлись едва.
(Был интерес в дискуссии, — ежели иначе, —
К слову, о том еще слышал тем паче),
«Мудреный люд, всегда сидел в тюрьме, —
Сказал экс-зэк, — да, разве что в Кремле;
А остальные — так; не только пустоцвет;
Что есть, что нет, но часто вносят вред.»
Итак, рассказ к начатой теме возвращая,
Люди, на власть уже надежды не питая,
(До случая, на жалобу, было письмо-отказ,
И дерево упало; ну, прямо, вот те раз)!?
Они, свои взяв в толк, народные поверья,
Себе молвой нашли кто валит те деревья.
(Тех и других достаточно, — невелика возня, —

И шашлыки естественно не жарят без огня).
Деревья, — что с душой садили комсомольцы, —
Теперь сожгут на очагах мангалов, богомольцы!
Наварят деньги здесь, продав лишь древесину,
Крона ж, убыточно немалую потянет гривну;
Но зло коварное, чтоб на корню пресечь?
Делу не пожалели денег — сор же, решили сжечь!
Работу сделали! Смысл в хлопотах нашли!
Дров парни не одну машину кряду развезли,
Всю демагогию, заранее, хочу убрать ответом,
Все согласовано с квартальным комитетом!

* * *

Вот обыватели! На них щедра природа!
Не зря так говорят — в семье, не без уroda!
Не обошлось и тут без длинных языков, —
Одна, — привыкшая покрикивать на зэков,
На труд других пол дня глаза у костра,
Узрела про его запрет и вызвала мента!
Свое участие внесла лишь сделав пакость,
Царит еще средь нас такая слабость!?

НАПАСТЬ

Правоучительный рассказ, без лишних слов,
Мое перо, торопит написать, совсем не корысть,
Хочу изобличить порок страстей, как острослов,
Замечено, что у людей, время поганит совесть!
Такая чувственная вещь, не появилась вдруг;
Она, давно известна, как людская слабость;
Она, причина бедствия, происходящего вокруг;
На совести людей — пришедшая к нам напасть!

* * *

Уже собрав кое — какой багаж заманчивых сюжетов,
Зову читателя к полемике — вопросов и ответов:
— «Вы ж не поэт? Эка, зачем избрали это ремесло?»
— «Да, все в душе поэты, если сказать честно!»
— «То, хорошо! А всех, в этот бедлам, зачем звало?»
— «Не всех, а тех, кто всяко, блага ищет лестно:
Хитрит, ловчит, любит в чужом кармане рыться, —
В хаосе ж, — уготовили они кормушки поживиться!..»
— «Бездельники, давно на шеях у трудяг сидят, —
Не думая, — хотят несчастные того иль не хотят?»
— «Так барствовать нельзя? Время не то? Не модно?
Здесь, откровенно, гнусный бизнес делать можно!»
— «Он жить и не дает! От сверхдержавы что осталось,
Гарантам, отдавать обратно в тягость оказалось?
Закрыли всяк вкладчикам для выплат предпосылки?»
— «Так деньги прибрали: ломбарды, банки, спилки!..»
— «Ловко! Они зело аренды все на офисы меняют?»
— «Бывает, навсегда, с казной, и вовсе пропадают!
Лафа тому, кто наутек! Ему и пироги достались»
— «Кошмар! А как же люди, что в нужде остались?
Где правосудие? Подлый грабеж — чем оправдать?»
— «Такой курьез хотят на произвол судьбы отдать!»
— «Кстати, убрали ж тяжкие за техосмотр убытки?»
— «Ха! То отвлекающий маневр. Он оберет до нитки,
Так, видимость создав благополучной обстановки,

- Подняли цены на бензин, парковки и страховки!..»
— «Даже семейное добро, к липким рукам пристало?»
— «Эге! Гребут от золота до хлама — всего мало!»
— «Что ж, будем ждать когда хорошее придет?»
— «Сплюньте! Все от плохого к худшему ведет!»
— «Зашли в тупик! Куда девать печали то свои?»
— «В международный суд — они из запада, поди!»

* * *

Если бы только в этих проблемах было дело;
Тенденция ведет к тому — друг друга съесть;
Бывал на Севере, — там быль от зэков есть!
Кто уходил в побег, с собою брал «корову», —
Второго, — употребить при голоде в утробу.
(Сейчас, насквозь, видна мораль горе-бандита,
Для этих образов и будущность страны открыта;)
Беда кругом! Так напасть разгулялась смело!..

НАПАСТЬ +

Что басня! Здесь нужное не очень — то распишешь,
И без нее, чего творят пожалуй не осмыслишь!
Трудно бывает людям, которые ошибки допускают,
Тем паче, еже ли изжившие привычки повторяют!
Нет радости былой! Она, разве что во снах витает,
А новизна, лишь только конец света предвещает!
В башку, пустому человеку некому ума одолжить

* * *

Читатель! Нам в самый раз полемику продолжить:
— «Зачем, живя большой семьей, могущество создать,
Бездарно развалить и алчным отпрыскам отдать?»
— «Кто жил — тот и живет! Такие с роду не трудились!
Так повелось, что баловством они всего добились!»
— «Выходит те, кто захотел безбедно век прожить,
Забыли о других, кто не сумел свою судьбу сложить?»
— «Других, — сколь помнит мир, — не прекращали бить!
Есть центры, как ненужных по — научному добить!»
— «Это ж немыслимо, друг друга, так со света изводить,
Сама природа создала, людьми планету заселить?»
— «Давно погоду делают, не так природные явления,
Как катаклизмы, кризисы,.. своих же рук творения!»
— «Досталась эта напасть всем от сущих ловкачей,
Драть трудовой народ, не милуя учителей, врачей?..»
— «Всем, поголовно, скажем прямо, некуда деваться,
О чем и хочется, и совестно, и боязно признаться!»
— «Зачем, — кому нейметя, — глаза стращать на быдло?»
— «Нужна опаска для хапуг! Есть опыт, толи еще было!»
— «Да-а, что совесть потеряли, уже не вызывает догм,
Не каждый знает — бедлам ведь, сумасшедший дом?»
— «Бесплатные рекламы — на запад устремлять свой взор,
Бесчинствовать во страсти, — толпу толкают на позор!»
— «А говор, жутко слышать! Слова пошли уж чересчур плохи,
Быдло, — допустим, объяснимо, — простите, кто ж лохи?»

ХРОНИКА ЖИЗНИ

Пока не все погрязли в омуте людских проказ,
Увы, продолжить надо поучительный рассказ.
Как ни ряди, понятливым получится тот стих,
Когда их, ни один, ни два, а скажем триптих...
Все дни расписаны, ничто не вечно под луной,
И нашу жизнь не обойти обратной стороной.
Наследникам, — чтоб в пошлой жизни не тужили, —
Хочу напомнить хронике, как прежде жили.

* * *

Возьму фрагмент — от первобытного людского строя, —
Общины были дружные, не люди нового покроя.
Им экологию, — что кров, что стол — дала природа;
Жили одной семьей, — без разношерстного народа;
И жадных не вели, избыток чувств, наивная гримаса,
Да-да! В нужде не маялись, там вдоволь было мяса.
В общих трапезах, общим женщинам, кидали кости, —
Блюди диету и изящество, — без воспитания и злости.
Шел первобытный коммунизм, но там, пошли зануды,
Естественный сломали строй, стали чинить причуды.
Пошли века, трудом морили задарма, грешные души,
Построив города да веси, в дерьмо влезли по уши;
В них дразги, ссоры развели, любого стали слушать;
Блаженный — бога захотел, нормальный — чего кушать;
Заимки, огороды завели, в посадки снедь свезли;
Колумб, богатства добывать погнал на край земли,
И всяким сбродом, видит бог, весь свет заплонили,
Порядочных людей, и силой, и обманом охмурили.
Так недовольных обрели и старый строй искать пошли,
Страну Советов создали, — но коммунизма не нашли, —
Остались в суматохе, надолго ль, тут не нам решать?
Чтоб много знать, не басни — книги надобно читать!..
Там есть, — сколько хлебнули лиха, по дороге в рай, —
Умом познаете на кой, работы непочатый край!?
Неграмотным ж ловчее, с привычки, спину гнуть,

Тихо сопеть в две дырки, чтоб совесть не спугнуть,
Таким суют читать, бесплатную, для «тормозка», газету,
Которой бедолаге обернут, бог весть с чего, котлету!
Хотите, правых фракций, доверьтесь вновь охочим,
Заманчивые лица всегда маячат между прочим!?
Они создали и похерили дела с замашкой левой
Окрылился потомственный народ Адама с Евой.
Вовсю их клики отовсюду, всяк бред несут опять
Ведь это провокаторы, и впрямь, ни дать, ни взять!?

Здесь умный промолчит, а глупый вряд ли скажет,
Привыкли выжидать, что новый день подскажет,
А время то не ждёт? Оно летит? Уже который век?
Плохо, когда на месте топчется беспечный человек!?

* * *

Вы не подумайте, что все это пишу томясь от скуки,
Обрыдло состояние в веках тащить одни и те же муки.
Пагубное развитие не может создавать успех,
Тщету событий превзойдут тогда и осчастливят всех.
Чтоб социальные убрать: среду, нужду, заборы...
Навеки б исключить цветастых флагов светофоры.

НАСУЩНЫЙ ГАЗ

*Покойному другу,
Сергею Ковыневу*

Назрел и сей рассказ, это не блеф и не обман,
Смотри, еще в стихах получится разительный роман?
На этом зиждется смысл писанных трудов в литературе,
Ей пала честь описывать эпические подвиги в натуре!
Всем непонятна быль, — разнузданная нынче спесь, —
Было б заведено, за всё не то, и наказание учесь.

* * *

Сыр — бор, про божий дар, — ни в бровь, так в глаз, —
Гм, да не про тот, про бытовой природный газ,
Он стал насущный, в повседневный быт внедрился,
Казалось без него б, — не ел, не пил, не мылся...
А хитрость вся, дай бог, попробуем найти лазейки:
Мы помним, раньше он, не стоил ломаной копейки;
Не мудрено, — ведь добывать его пришлось без кирки, —
Бури себе, в земной коре, лишь инструментом дырки;
Понятны стали: отдаленность; небывалые масштабы;
Металлоемкость; транспорт; — безразмерные карманы;
Здесь что, — возьми да подсчитай, кому за что платить, —
Ведь без ущерба для народа — Европу надобно кормить;
Помилуй, что до того Ей, — лишенной средств, Старухе, —
Оставленной, средь бела дня, в надуманной разрухе?!
Не для таких ль, в жару, пургу, порой без человеко-коек,
Трудились сыновья, мужья — участники народных строек?!
Бывал на них, а здесь, хочу сказать, без долгих слов,
Встречал там всех, но больше было земляков — хохлов!
Еще добавлю, что мне больно, жутко вспоминать о том,
Сколько людей, в битве за газ, осталось под крестом.
Да есть ли вообще тот крест у новоявленных магнатов,
С амбицией так все прибрать к рукам для газовых пиратов?!

Ведь стоимость за газ, поди затмила всем рассудки,
За мнимые долги, зимой, его посмели отключать, ублюдки?!
Случился ж грех, в тот огород впустить козла,
И наяву, соседская родня, с нехватки газа померла.

* * *

Скверным сказалось сборище, — по-пьяни ль, в кураже, —
Так дурно всенародный искромсать пирог при дележе?!
Там, где не клал своих трудов — крохи не тронь оттуда,
Всеобщее оставь для всех — будь ты делец, подлец, иуда!

БОЖЕСКИЙ ОБМАН

Такой вопрос, среди людей, давно стоит ребром,
Его, как кол на голове, ловчей тесать бы топором.
Не сочиняя, просто подтверждаю известную словесность,
Как много душ, на этом поприще, исчезло в вечность.
Итак, по случаю; для пользы; дабы отвести беду;
Заблудшему, всё рассказать хочу, как на духу...

* * *

Что Землю заселили разные народы, — без сомненья,
То, хорошо, — аборигенам от того одно спасенье.
Смотри, культуру нужную при этом обрели,
(А так, сердечные, досель хлебали б лаптем щи).
Виной всему была слепая вера, благо, был раскол,
Религия жестока: сжигала на кострах, сажала и на кол...
Такие способы стеснялись применять даже фашисты,
На тот позор глаза открыли, разве что марксисты.
Их разум нёс: свободу, братство, равенство, для всех,
Тоже неплохо, если б не развал СССР затмил успех.
(Время такое не забыто, оно было, ох, как трудно,
Забот то нынче нет, в глазах, поди всего полно)!?
Долго блуждая все, какой-то в этом смысл нашли,
Ума набрались по пути, вот давеча в приют пришли...
Зазря и Моисей учил народ за чистоту их расы,
Ослушался еврей, распял Христа и влился в массы!
Пошёл от них весь авангард; антихрист; коммунист;
А дальше, надо же, самонадеянный, явился сионист!
Ради себя хотел он Новый мир устроить на века,
(Ведь им не очень плохо в нём, — ан, видимо, пока)?!
В гостях, стал портиться непрошенный пришелец,
Сердит обманутый собрат, бомжем живёт туземец...
Не развлекают их концерты, им не слышны овации,
Какой же юмор натошак, в дремучей резервации?!

Забряцали оружием, уж, разбудили праотцов скелеты,
На родине своей, пуляют за забор крылатые ракеты...
Средь нас живут армяне, что сбежали с Карабаха,
Не бедствуют; здесь ближе к телу им своя рубаха...
Скуп эмигрант! Столько украинцев живёт в Канаде?
Вернули бы чего? Оставили ведь родину внакладе!
Кто удосужился покинуть дом, да броситься в бега?
Да кто нахашывал сполна! В кого мошна туга!
Кому религия нужна — кто сладко обтирает губы?!
А тем, кто жалко кривит их — горька слеза пагубы!

* * *

Отсталое наследие, — верно своим традициям,
Полезно очень партиям и иже с ними оппозициям!
Затем лишь, чтоб народу туполобо обивать пороги,
Послушников заводят в храмы, церкви, синагоги...
Эк, молебны да заутрени, просвиры да ладан...
Начало ж всех начал, искони божеский обман?!

УКРАЇНА
Комунальний заклад культури – Донецька обласна
універсальна наукова бібліотека ім. Н.К. Крупської

09.10.2014р. № 611
на № _____

83001, м. Донецьк, вул. Артема, 84
Тел.: (062) 337-29-30, 335-30-79
Факс: (062) 335-01-79
E-mail: dob@library.donetsk.ua
<http://www.library.donetsk.ua>

Цуканову В.

Шановний Володимире Петровичу!

Донецька обласна універсальна наукова бібліотека ім. Н.К. Крупської щиро дякує за поповнення фондів виданням «В серце і душі» (2 прим.).

Впевненні, що це видання зацікавить наших читачів і буде корисним для них. На титульній сторінці подарованого видання буде стояти штамп «Подаровано» і дописано ким, щоб читачі знали, хто надав їм можливість користуватись даним виданням.

З повагою,

Генеральний директор

Л.О. Новакова

СОДЕРЖАНИЕ

Поэма	3
Поэма о матери	3
Баллада	12
Баллада о Шаталове	12
Стихи	18
Званный вечер, или Предновогодний раут коллектива четвертого строительного управления ГОО «Трест Донецкшахтопроходка»	18
Авторская исповедь	21
Зарисовки Ирине	28
Басни	31
Слегка о себе и о жизни вообще	31
Мрак	33
Шальные вояжи	35
Юдоль печали	37
Выдра	39
Запоздалая грибалка	41
Опрокинутая громада	43
Лесоповал	45
Напасть	47
Напасть +	49
Хроника жизни	51
Насущный газ	53

Литературно-художественное издание

ЦУКАНОВ Владимир Петрович

В СЕДЦЕ И ДУШЕ

Поэма. Баллада. Стихи. Басни

2-е изд., дополн. и переработанное

Подписано в печать 15.01.13. Формат 60x84/16.
Усл. печат. л. 3,02. Тираж 100 прим. Зам. № 5.

Отпечатано в ООО «Каштан»,
83017, г. Донецк, б. Шевченко, 29.